

Точка невозврата

«Точка невозврата — в ядерной физике — тот момент реакции, когда уже невозможно вернуть ее в другую стадию и невозможно остановить. Секунда — и взрыв».

(Из энциклопедии)

Когда вышел второй том «Источника счастья», на встрече с читателями в книжном магазине ко мне подошла старушка и тихо, на ухо, спросила:

— Деточка, вас кошмары не мучают? Вожди не снятся?

Я ответила:

— Мучают. Снятся.

— И что вы делаете?

— Молюсь.

— Правильно. — Старушка кивнула и исчезла в толпе.

Вожди мне действительно снились, и сны с их участием были кошмарны. Не помню, кому из советских поэтов принадлежит строчка: «И я сегодня думаю о Ленине, как он когда-то думал обо мне». Вот примерно это со мной происходило на протяжении долгих лет жизни.

В детском саду висело и стояло по меньшей мере штук десять его изображений. Круглолицый ребенок, такой аккуратный и строгий, что невозможно представить, как «он тоже бегал в валенках по горке ледяной». Юноша в косоворотке, весь куда-то вдаль устремленный. Лысый дядька с бородкой, с маленькими недобрыми глазками. Кроме портретов были еще белый бюст в кабинете заведующей и статуя на клумбе во дворе, в тусклой серебрянке, с большой башкой и недоразвитыми ручонками, правая вытянута вперед, указывает направление к Рижскому вокзалу, левая спрятана в карман.

Вроде бы я знала его с младенчества, но наше первое знакомство состоялось, когда на детсадовском утреннике 7 ноября меня обязали громко произнести: мы внучата Ильича. Я поду-

мала, что моим родным дедушкам, Леше и Васе, будет обидно, если я назову себя чьей-то чужой внучкой. Я очень любила своих дедушек, мне вовсе не хотелось их обижать. К тому же врать нехорошо. Но что-то заставило меня это сделать. Я послушно произнесла свою часть речевки, сначала на репетиции, потом на утреннике. Мне было стыдно. Я соврала, впервые в жизни. И ничего не произошло. Все хлопали в ладоши.

Вот так мы с ним познакомились. В память об этом знаменательном событии даже сохранилась фотография. Под огромным его портретом строй нарядных детей с шариками в руках. Все дети, как положено на праздничном утреннике, веселые, только я, третья слева, пришибленная всеобщим ликованием и собственным гнусным враньем, напряженная и озадаченная.

Да, он меня уже тогда озадачил. Мне захотелось узнать — кто он такой? Любопытство мое разгоралось еще больше оттого, что я чувствовала невозможность, немыслимость прямого вопроса: кто такой Владимир Ильич Ленин? Он повсюду: во дворах и на площадях, на деньгах и в газетах. О нем пели песни, показывали фильмы, писали книжки.

Я рано научилась читать. Меня многое интересовало, например дельфины, шаровая молния и космические «черные дыры». Я нашла кучу информации о них и читала с удовольствием. Ленин меня тоже интересовал, но читать, говорить и даже думать о нем было невозможно. Во-первых, нестерпимо скучно, во-вторых, всякий раз у меня возникало чувство подмены, надувательства. Я понимала — авторы врут, так же, как врала я на утреннике в детском саду, называя себя и других детей средней группы «внучатами Ильича». Да, они врут так же, но только значительно многословней и уверенней.

В десять лет я совершила преступление. У меня имелось оружие. Пластмассовая трубка, сделанная из корпуса шариковой ручки. Через нее удобно было плевать в цель комочками жеваной бумаги. В сообщники я выбрала Дрюню, моего лучшего друга. Мы дежурили после уроков, мыли пол в классе и заодно упражнялись в стрельбе. Мишенью стал портрет Ленина. Жеваная бумага не оставляла следов на стекле. Мы с Дрюней со-

ревновались, у кого больше получится попаданий в кончик носа, в центр лба, в узел галстука. Мы так возбужденно спорили, что чуть не подрались. Наверное, наша энергичная возня вызвала сотрясение пола и стен, иначе как объяснить внезапный разрыв шнура и падение портрета на пол?

Стекло разбилось. Мы застыли у доски, я с веником, Дрюня со шваброй. Сквозь осколки глядели на нас снизу вверх маленькие сощуренные глазки. Что в них было? Обида? Упрек? Зло-радство? Со страху мы могли вообразить что угодно. Он расскажет нашей классной и всему педсовету, как мы плевали ему в лицо жеваной бумагой. Или ночью сойдет с пьедестала мраморная статуя, украшающая школьный вестибюль, и явится к кому-нибудь из нас домой. Мы как раз недавно прочитали «Маленькие трагедии» Пушкина. А тут еще песня Александра Галича «Когда в городе гаснут праздники, когда грешники спят и праведники, государственные запасники покидают тихонько памятники».

Мы с Дрюней были детьми начитанными и впечатлительными. Песни запрещенного Галича звучали и в его, и в моем доме. Мы ясно представили себе, как мраморный вестибюльный Ленин с гордо поднятой головой, с вытянутой вперед и вниз правой рукой медленно зашагает по ночной улице Горького, и запертые двери его не остановят. Дрюня заявил дрожащим шепотом, что мой дом ближе, чем его. Это было малодушно и вовсе не по-мужски. Я ответила: зато я живу на девятом этаже, а ты на четвертом. Мы горячо заспорили, влезет ли статуя в лифт или станет подниматься по лестнице. В этот момент вошла классная и спокойно заметила, что шнурок давно следовало поменять, портрет, дескать, держался на соплях и хорошо, что грохнулся не на чью-то голову.

Преступление осталось латентным. Осколки смели, над доской повесили новый портрет, на крепком шнурке. Статуя по сей день стоит в школьном вестибюле, ни ко мне, ни к Дрюне домой так и не явилась.

Наши квартиры были своего рода убежищем, личным странством, малогабаритным, но свободным от Ленина. Ни

портретов, ни бюстов, ни книг. Стоило выйти во внешний мир, и великий вождь в своих бесчисленных воплощениях сразу вставал на пути.

Годам к пятнадцати он мне порядком надоел. Его оказалось слишком много в моей маленькой жизни. Помимо портретов, бюстов, статуй, денег, газет, изречений, он обильно присутствовал в школьной программе в виде текстов, не только на русском, но и на английском языке. Приходилось учить наизусть стихи о нем, на уроках пения петь о нем песни, после уроков в обязательном порядке смотреть о нем фильмы, документальные и художественные.

Он заполнял собой огромные куски пространства и времени, но выглядел менее убедительно, чем Кощей Бессмертный или Баба Яга. И в отличие от сказочных персонажей он был нестерпимо скучен. От него веяло смертельной скукой. Его образ был безнадежно мертв. Я стала подозревать, что такой человек вообще никогда не жил на свете.

Сомнения в реальности его существования только усиливались оттого, что всё вокруг с поразительным упорством пыталось убедить, будто он не просто человек и не просто живой, а «самый человеческий человек» и «живее всех живых».

Мумию в мавзолее я увидела лет в восемнадцать. На Всесоюзном совещании молодых писателей я была старостой семинара поэзии. Посещение знаменитой усыпальницы входило в культурную программу для участников совещания, гостей из союзных республик. Мне пришлось сопровождать группу.

Труп выглядел еще менее убедительно, чем бюсты, статуи и портреты. Мне показалось, что лицо и руки отлиты из папьемаше, а волосы у висков подрисованы простым карандашом. Представить себе земной путь этой маленькой некрасивой куклы я не могла. И еще труднее было вообразить, каким образом эта кукла умудрилась организовать такое грандиозное событие — Великую Октябрьскую социалистическую революцию (ВОСР)?

В жизни каждого советского учащегося ВОСР происходила минимум дважды — в восьмом и в десятом классе. У тех, кто получил высшее образование, ВОСР случалась четыре раза. Чем больше я узнавала, тем меньше понимала. ВОСР притягивала меня, как притягивает то, чего боишься.

Да, я боялась ее, Великую Октябрьскую социалистическую. Боялась так сильно и серьезно, словно это событие что-то значило для меня лично. Смертный ужас, чувство абсолютной незащитности, сиротства, насилия и физической гибели — вот чем она для меня была.

Прабабушки, бабушки, дедушки скупно делились воспоминаниями. Бабушке Липе в семнадцатом было семь. Для нее ВОСР началась так: «Мы сидим, обедаем. Вдруг жуткий грохот, топот, крики. Распахивается дверь, вваливаются какие-то пьяные люди, упирают в нас штыки, кричат: буржуи, встать! Мы встаем. Они хватают со стола скатерть, вместе со всем, что на ней, с тарелками, супницей, соусниками. Связывают скатерть в огромный узел и убегают. Мама, папа, брат Даня, гувернантка немка, няня, горничные — все стоят и молчат. Тишина чудовищная, но недолгая. Опять грохот и крики. Опять влетают со штыками, хватают стулья и убегают. Я спросила папу: что это такое? Он ответил: это революция, Липонька».

Прабабушка Лена к семнадцатому успела закончить Бестужевские курсы и Сорбонну. О ВОСР предпочитала молчать. Иногда что-нибудь прорывалось случайно. Железная дорога, поезд, станция. Пассажиры выходят, чтобы набрать кипятку. В станционном буфете сутолока, никто не решается подойти к баку с кипятком. У бака сидит нечто невообразимое. Серая шевелящаяся масса. Облако, состоящее из миллионов вшей. Внутри, под слоями насекомых, человека не видно. Так и поехали дальше, без кипятку, до следующей станции.

Впрочем, это уже было году в восемнадцатом, в Гражданскую войну. Война почему-то меня пугала не так, как ВОСР. Мой

личный ужас сосредоточился именно в конце октября 1917-го. Там блуждали в ночном ледяном воздухе сгустки мрака, огромные тени, и воняло от них перегаром, грязными портянками, махорочным дымом. Этот смрад оказался для меня спасительным. Я задохнулась насмерть за мгновение до того, как они напали. Они терзали тело, в ярости своей не замечая, что нет дыхания. Все, что происходило потом, я наблюдала уже со стороны, из какого-то иного, безопасного времени и пространства, вплоть до грозовой июльской полуночи 1960-го, когда пришлось опять вынырнуть в здешнюю неуютную реальность.

Мама говорит, что, родившись, я посмотрела на нее весьма сердито и заорала отчаянно. Вряд ли я сразу сумела сориентироваться во времени, но место не могла не узнать. Роддом № 6 находился в центре Москвы, на Третьей Мещанской улице. Где-то неподалеку, в Капельском, Банном или Больничном переулке меня зверски прикончили смутной октябрьской ночью 1917-го.

Я не помню подробностей, не могу и не хочу помнить. Иногда мне встречаются существа, очень похожие на тех давних моих знакомцев. В толпе мы мгновенно узнаем друг друга. Я больше не боюсь их, я смотрю на них с благодарностью. Милые твари, понимают ли они, какую огромную услугу мне оказали? Мне жутко не хотелось жить в России в период с семнадцатого по пятьдесят третий. Мои древние, сугубо контрреволюционные гены так противились этому, что существа, убившие меня, ни в чем не виноваты. Я виновата, только я. Струсилась и пропустила то, что должна была узнать вовсе не как сторонний наблюдатель, а пережить как незащитный очевидец, испытать на собственной тонкой шкурке. Вероятно, именно этим объясняется мое жгучее любопытство к эпохе великих свершений и к вождям великой эпохи.

Меня всегда завораживали таинственные хитросплетения причинно-следственных связей. Мизерность причин и грандиозность следствий. В октябре 1917-го безвестный маленький лысый эмигрант, лидер кучки экстремистов, при посредничестве немцев вернулся из долгой эмиграции и захватил власть в России. За год его правления от огромной мощной богатой держа-

вы ничего не осталось. Стояли заводы и фабрики, не ходили поезда, хлеб не сеяли, у крестьян отнимали последние запасы.

С одной стороны — наглая авантюра, ловкая жульническая сделка, с другой — искалеченные души и судьбы миллионов живых людей, разграбленная, униженная страна.

Вроде бы все прошло. От уголовной пошлятины ленинско-сталинского большевизма остался лишь пыльный хлам плакатов, портретов, газет. Стоит ли рыться в этой исторической помойке, пачкать руки, дышать смрадом? Что там можно найти? Конечно, сохранились архивы, но что они скажут, если целая армия профессионалов год за годом, день за днем занималась расчисткой и фальсификацией документов великой эпохи? Протоколы и приказы печатались на специальной бумаге, которая истлевала сама, лет через пять-семь. Свидетельства очевидцев вроде Бонч-Бруевича тоже истлевали сами, поскольку мемуары переписывались авторами каждые пять-семь лет, в соответствии с очередной линией партии, таким образом, что одни и те же события в каждой последующей версии менялись до неузнаваемости.

Я не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь. Вопрос этот для меня мучителен. Никогда не сумею на него ответить, но постоянно ищущу ответ. Иногда мне кажется, что разница именно в конечности. Всякий сюжет имеет свой финал. Жизнь бесконечна. Короткий отрезок физического существования, от рождения до смерти, может стать увлекательным сюжетом. Для моего замысла средняя длина отрезка оказалась недостаточна. Я замыслила большой роман о ВОСР и ее последствиях. Мне понадобился герой-очевидец. Герой не только в литературном, но и в человеческом смысле. Мне нужен был человек, который в отличие от меня не струсит, переживет, доживет, все запомнит и сумеет рассказать. У него другие гены и шкурка потолка моей.

Решить проблему со средней длиной отрезка можно было лишь одним способом: отыскать рецепт эликсира молодости. Я занялась этим со свойственной мне дотошностью, впрочем, в начале пути я надеялась, что изобретать самостоятельно ниче-

го не придется. За четыре тысячелетия упорных и самоотверженных поисков лекарства от старости и смерти кто-нибудь что-нибудь нашел, пусть непригодное для практического применения, но хотя бы из разряда возможного, вероятного. Цель моя была бескорыстна, я не собиралась омолаживаться, эликсир требовался всего лишь моему персонажу.

Сразу возникли вопросы. Я что, намерена создать героя-алхимика? А вдруг вместо героя у меня получится гомункул, искусственный человек?

* * *

Есть несколько версий происхождения термина «алхимия». От латинского «humus» — земля, от китайского «ким» — золото. От египетского «кеми» — «черная земля». Арабское «ал» позволяет перевести термин как «философская химия». Первоначально «кеми» обозначало тайную науку жрецов Египта. Основатель ее античный бог Гермес. Греки считали его богом торговли и плутовства, проводником душ в подземном царстве. Позже к его имени прибавилось определение «Трисмегист», то есть «Триждывеличайший» (эпитет вполне сгодился бы для Ленина). Главный труд Гермеса Триждывеличайшего, «Изумрудная скрижаль», высечен алмазной палочкой на изумрудном диске. Диск с текстом нашли солдаты Александра Великого в Великой пирамиде в Гизе, а пирамида эта является усыпальницей Гермеса.

«Вот что есть истина, совершенная истина, и ничего, кроме истины: внизу все такое же, как и вверху, а вверху все такое же, как и внизу. Одного уже этого знания достаточно, чтобы творить чудеса. И поскольку все вещи существуют в Едином и проистекают из Него, это Единое, которое есть Первопричина, порождает все вещи в соответствии с их природой.

Солнце — Его отец, Луна — Его мать, Земля — Его кормилица и защитница, а ветер лелеет Его в своем чреве. Единое есть Отец всех вещей, в нем заключена вечная Воля. Здесь на

земле Его сила и власть пребывают в безраздельном единстве. Землю подобает отделять от огня, утонченное от плотного, но только осторожно и с великим терпением. Единое же возвышается с земли до небес и опускается с небес на землю. Оно таит в себе силу вещей небесных и силу вещей земных. Чрез это Единое вся слава мира сего станет твоею, а все неведение покинет тебя.

Это сила, могущественнее которой быть не может, потому, что Она проникает в тайны и рассеивает неведение. Ею был создан этот мир. Она свершает великие чудеса, ключ к которым содержится в этих словах.

Именуют меня Гермес Трисмегист, ибо я постиг три основных принципа философии Вселенной.

В словах моих содержится итог всей солнечной работы».

Прочитав это, я подумала: «Боже, какая пафосная чушь!» В комментариях утверждалось, что «Скрижали» содержит квинтэссенцию всей мудрости мира. Мне тут же вспомнилось: «Коммунизм — это молодость мира» и «Учение Маркса всесильно потому, что оно верно». Ассоциация с марксизмом-ленинизмом была настолько очевидной, что я устыдилась своего пренебрежения к тексту Триждывеличайшего.

За многие века накопилась огромная библиотека комментариев к «Скрижали». У меня хватило терпения прочитать некоторые из них, они показались мне еще туманней самого текста. Мне ужасно хотелось узнать, что разумел Трисмегист под понятием «Единое»? Не надеясь отыскать внятного ответа у комментаторов, я положила на собственные скромные возможности.

Утверждение «Чрез это Единое вся слава мира сего станет твоею...» показалось мне знакомым. Нет, не утверждение, предложение, причем деловое, так сказать, коммерческое. Не случайно для древних греков Гермес был богом торговли и плутовства. Значительно позже, в самом начале нашей эры, а именно в 33 году от Рождества Христова, в Иудейской пустыне прозвучало весьма похожее предложение: «Тебе дам власть над всеми